

05.05.2024

Никас Сафронов: «Москва — это праздник, который всегда со мной»

Полотна этого художника вот уже более 30 лет представлены на крупнейших отечественных и зарубежных выставках. Около 800 его картин приобретены коллекционерами и хранятся в музеях и частных коллекциях. Это ли не подтверждение того, что Никас Сафронов остаётся одним из самых востребованных художников современной России, ещё при жизни заслуживших мировое признание? Мастер любезно согласился ответить на вопросы Big Moscow.

Какое место в вашем творчестве занимает Москва?

Я родился в Ульяновске, жил в Ростове-на-Дону, в литовском Паневежисе, откуда родом моя мама. На какое-то время обосновался в Вильнюсе, и меня, кстати, там всё устраивало. Мой московский товарищ Владимир Миттельман как-то дал мне такой совет: «Никас, если ты хочешь состояться как художник, перебирайся в Москву».

Москва тогда была далёким и чужим для меня городом, но со временем я доверился ему и даже поменял свою вильнюсскую квартиру на комнату в московской коммуналке в Тёплом Стане. И только спустя год я ощутил в этой далёкой окраине дыхание весны, услышал за окном пение соловьев. Я вдруг увидел Москву каким-то другим взглядом и понял, что это теперь мой город.

Позже я переехал на Малую Грузинскую, где началось моё знакомство с совсем другим, большим миром — центром Москвы. Но то чувство счастья от обретения своего главного города в жизни осталось навсегда.

Я давно и много путешествую по миру, но всегда, когда возвращаюсь в Москву, испытываю чувство праздника. Хемингуэй назвал свою книгу воспоминаний о Париже «Праздник, который всегда с тобой». Для меня же праздник, который всегда со мной, — это Москва.

Никас, вы всё еще согласны с утверждением, что красота спасёт мир?

Думаю, что красота действительно спасёт мир, но не сама по себе, а опосредованно. Люди интуитивно тянутся к красоте и стараются её беречь, а для этого нужны мир и согласие, поскольку в любых конфликтах красота гибнет первой. Но красота не всегда очевидна, поэтому, на мой взгляд, нужен художник (в самом широком смысле этого слова), который в своих произведениях выявит её и донесёт до людей. В итоге красота, может быть, и спасёт мир, но в основном при посредничестве искусства.

А что значит быть художником в наше непростое время?

И в простое, и в непростое время нужно оставаться художником, если так получилось, что Бог дал тебе этот дар. При этом надо оставаться собой, не идти на поводу у сиюминутных эмоций, не заниматься какими-то конъюнктурными делами и проектами, чтобы потом не было стыдно.

Сегодня нужно решить, с кем ты — это главное. Я в России, я с Россией и я за Россию.

Вообще, мне кажется, что выражение «непростое время» можно понять только в оппозиции к «простому времени». Когда я думаю в таком формате, то понимаю, что простого времени в моей жизни никогда не было. Всё время были дела, проблемы, планы. Возможно, в этом и состоит счастье.

VKL

В Москве среди художников и любителей живописи много разговоров о вашем коронном стиле Dream Vision, который, как вы однажды выразились, должен стать новым направлением в искусстве. Поясните, о чём речь.

Я так сказал либо метафорично, либо, что называется, сгоряча. Вообще в истории живописи мы вряд ли найдем прецеденты, когда художник или группа художников сознательно создавали направление в искусстве. Это возникает естественным образом. Яркий пример — импрессионизм. Художники со схожими взглядами, манерами и стилями встречаются, знакомятся, выставляются. У них появляются последователи. Возникает своего род «социальная эстафета». Будет ли это со стилем Dream Vision сегодня с уверенностью сказать невозможно. Это станет понятно только через много лет.

Раз уж мы заговорили о Dream Vision, могу признаться, что этот стиль возник почти случайно, хотя в моей профессии случайного ничего не бывает. Но первым толчком стал случай во время моего путешествия в Италию. Я приехал в Помпеи, увидел там, на древних стенах, полустёртую роспись, и мы, туристы, вдруг услышали детский плач. Все подумали, что это кричат кошки, однако экскурсовод-итальянец сказал, что это действительно плач ребенка. Когда 2000 лет назад было извержение Везувия, этот ребенок нечаянно попал в коридор времени, и теперь мы иногда слышим его крик среди древних развалин.

Это произвело на меня неизгладимое впечатление! Вернувшись в Москву, я попытался передать настенную роспись, увиденную мною в Италии, в своей технике. Позже эта история дополнилась новыми нюансами, перешедшими в живопись.

У меня есть сын по имени Стефано, он родился в Венеции, но с полугодовалого возраста живет в Лондоне. Летом мы с ним часто ездили к его бабушке в Венецию. Прилетали в Вену — я из Москвы, он из Лондона — и садились в поезд до Венеции. Поезд прибывал в 5 утра, и в это время мы всегда заставали светлый туман, поднимавшийся от воды. Мне очень нравилась утренняя туманная Венеция.

Самое простое, что можно было сделать, изображая увиденное — написать реалистический пейзаж. Потом купить в магазине белый художественный спрей, распылить на холсте белую краску — и чёткие линии «поплывут», отдалённо сохраняя первоначальные очертания…

Но я подумал, что для художника моего уровня это слишком просто, и решил усложнить технику передачи своего

впечатления. Вначале я стал делать пейзаж пастозно, потом лессировать, покрывать новым слоем краски, сдирать её, потом опять лессировать. Вот так в конце работы и появилась техника, которую я называю Dream Vision.

Ходят слухи и о том, что Никас Сафронов готовит в Швейцарии сенсационную выставку своих картин в стиле Dream Vision. Возможно ли такое в период резкого охлаждения отношений между Россией и Европой?

Такая выставка действительно готовится, но это не проект сегодняшнего дня. Есть некоторые договоренности, в основном устного характера. Есть люди, которые хотели бы устроить такую выставку и даже финансово участвовать в её организации. Но говорить о ней определённо пока рано, в том числе и по суеверным причинам. Не хочется спугнуть, как говорится, или запустить цепь нежелательных событий и провокаций.

Насколько, по-вашему, Запад сейчас открыт для русского искусства? Ведь там уже были попытки запретить Чайковского, Толстого, Большой театр.

Диапазон у наших недругов сегодня широк — от умолчания до прямых запретов всего, что связано с Россией. Парадоксально, но Большой театр запретить проще, если иметь в виду его гастроли, чем Чайковского или Толстого. Имена наших великих соотечественников являются частью мировой культуры, вошли в её ядро, поэтому некоторые случаи запретов выглядят несуразно и просто глупо!

Сегодня стало ясно, что «островизировать» (т.е. превратить в изолированный остров) Россию, на что направлены многочисленные западные санкции и другие недружественные действия, невозможно.

Вывести Россию из мировой культуры – не более, чем истероидный призыв некоторых не совсем адекватных политиков на Западе. Влияние страны на многие аспекты развития европейской культуры и науки велики, и «исправить» это нельзя ни при каком желании.

Михаил Чехов сделал Голливуд, и это уже факт истории! Ломоносов, Чайковский, Станиславский, Пушкин, Циолковский, Репин, Сикорский, Павлов, Менделеев¸ балерина Павлова…Россия дала миру такое количество великих людей, сколько не дала ни одна другая страна. И, главное, эти люди определили на многие десятилетия вперёд прогресс западной культуры и науки. Даже аромат, который впоследствии использовался в духах «Шанель №5», был создан русским царским парфюмером. В своё время он продал его Коко Шанель во флаконе, которым она торговала за 120 долларов.

Есть расхожее выражение «искусство вечно». Любые политические ситуации, сколь бы длительными они не были, – мгновение по сравнению с веками русского искусства.

Кто из современных художников оказал сильное влияние на ваше творчество? Существуют ли мастера, работы которых вызывают у вас чувство зависти или, наоборот, восторга?

Влияние других художников на чьё-либо, в том числе и на моё, творчество, это очень субъективный момент. Для меня это, в основном, художники прошлого – далёкого и недавнего. В детстве мне в руки попала книга с иллюстрациями Гюстава Доре. Я их перерисовывал и получал от этого подлинное наслаждение. Психологи пользуются термином «импринтинг», говоря о фиксации в памяти некого впечатления детства, которое определяет многое в жизни любого человека, в том числе картину окружающего мира. Позже для меня это был Альбрехт Дюрер. Еще позже — Брейгель-старший, потом Коро и, конечно, великий Тернер. Возможно, благодаря им я и стал художником.

В дальнейшем я изучал работы этих и других мастеров в разных музеях и галереях мира. Все они каким-то образом формировали мою индивидуальность. Так что утверждать, кто конкретно и как повлиял на меня, я бы не решился. Это, скорее, задача искусствоведов.

Что вы отвечаете критикам и недоброжелателям, которые называют вас «коммерческим художником?»

Ничего не отвечаю, поскольку ответить — значит опуститься на площадку, где доминируют зависть, мстительность и другие мерзкие вещи. Мои оппоненты в этом пространстве заведомо сильнее меня. Я просто работаю.

Теперь насчёт коммерции. Смотря что под этим понимать? Живопись с самого своего зарождения была ремеслом. Потом она стала искусством, но осталась источником существования художников. Работы должны выставляться, продаваться и т.д. Сегодня, если картины успешно продаются, то недоброжелатели называют автора «коммерческим художником». Проходят века, картины начинают стоить миллионы долларов, и вопрос о коммерции отпадает. Время рассудит, кто есть кто.

Скажу больше, 90% художников из прошлого, которые дошли до нас и являются важной частью мировой культуры, были при жизни «коммерческими» и при этом очень известными! Это и Веласкес, и Рубенс, и Рафаэль, и Микеланджело, и Леонардо да Винчи… Даже Рембрандт, о котором часто говорят, что он умер нищим. Что правда, то правда! В конце жизни великий мастер занялся продажей тюльпанов и в результате разорился. А ведь до этого Рембрандт считался одним из самых богатых и известных людей Амстердама.

Однажды вы заявили журналистам: «Я не люблю рисовать развороченные животы». Вы имели в виду войну?

Дело не в войне. Просто я не социальный и не событийный художник. Я не гружу картины социальным содержанием, как, например, Илья Репин, или изображением событий, как в известной картине «Утро стрелецкой казни». Если меня волнуют какие-то события, я зачастую передаю это в предельно аллегорической форме.

В картине «Встреча духа Барбары с хранителем замка», например, изображена одна из самых романтических и трагических историй любви, которые нередко разворачивались за неприступными стенами европейских замков. Одного взгляда на полотно достаточно, чтобы понять: вот замок, мужчина и женщина, но они уже в разных мирах. Что же там на самом деле происходило, кто такая была Барбара и почему нас волнует это история? Если художник смог заинтриговать зрителя и подвигнуть его на то, чтобы тот начал читать историческую литературу, это уже большое дело.

Никас, вы написали десятки портретов президентов и крупных политиков. Кого из сильных мира сего вам хотелось бы ещё изобразить?

Честно говоря, мне проще перечислить, кого мне бы точно не хотелось видеть на моих холстах. Мне всегда были интересны не сами по себе сильные мира, а их внутренний мир, воля, ум, то, как они несут своё одиночество. Большой человек всегда одинок.

Мне кажется, сегодня «персоналистический» пейзаж Европы и Америки в плане политических лидеров необычайно безлик и беден. Были политики-глыбы, и я с удовольствием писал их портреты: Фидель Кастро, Даниэль Ортега, Мухаммед бен Заид Аль Нахайян, Сильвио Берлускони. Этот список можно было бы продолжить. Сейчас, как это видится мне, на смену западным глыбам пришел песок. Писать, увы, некого.

Не случайно оживились карикатуристы. Западные издания полны изображений политиков, в том числе президентов, в весьма смешных видах и ситуациях. Но это не моя площадка.

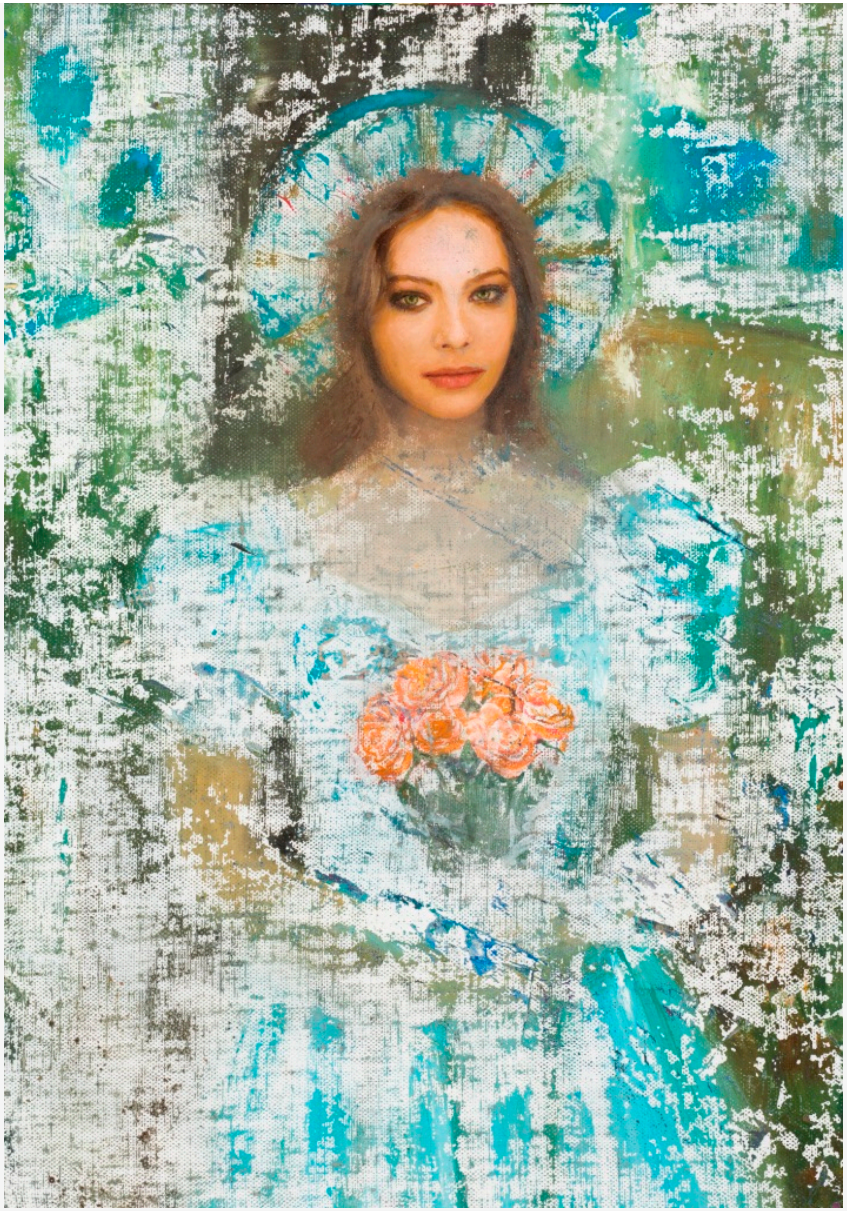
Правда ли, что вы давно дружите с итальянской кинозвездой Орнеллой Мути, которая пару лет назад прилетала в Москву, чтобы забрать у вас портрет своей любимой кошки?

Да, это правда. Но прилетала Орнелла на два своих столичных спектакля. Мы встретились, и она напомнила мне о моём обещании нарисовать её кота. На тот момент его уже не стало. Для Орнеллы было важно, глядя на мою картину, вспоминать о своём любимом маленьком друге. А так как кот был рыжий и очень пушистый, я нарисовал его на фоне русской зимы. Орнелла была в восторге.

Сегодня известно, что у актрисы русские корни. Она действительно специально прилетала на мою персональную выставку в Москве. Тогда, помнится, приезд Мути совпал с Новым годом, который мы и отметили вместе у меня дома в кругу моих близких друзей.

Это правда, что в вашем родном Ульяновске существует школа, носящая имя художника Никаса Сафронова?

Чуть более двадцати лет назад я узнал, что в Ульяновске общеобразовательную школу с гуманитарным уклоном назвали моим именем. Я встретился с педагогами и школьниками, поблагодарил их за оказанную честь и теперь помогаю им по мере возможности. Сегодня это государственная гимназия имени Никаса Сафронова.

Интересно, с какой целью ваши картины принимают участие в космических полетах («Зимняя Москва в год Тигра», например)?

Действительно, мои работы космонавты берут с собой на орбиту. Картины пролетают миллионы километров и возвращаются на Землю. Я уверен, что они заряжаются ещё и космической энергией. И это чувствуется сразу, как только владельцы полотен вешают их на стену.

Почему Бельмондо, увидев свой портрет в исполнении Никаса Сафронова, хотел побить вас?

Первая наша встреча произошла в его театре. Он тогда готовил премьеру нового спектакля. И всякий раз, когда я настраивался на полноценную работу, он вскакивал с кресла и убегал на сцену, чтобы дать актерам свои режиссёрские установки. Я успел тогда сделать несколько карандашных рисунков, и то только его лица.

Бельмондо в тот день куда-то срочно убыл. Но мы договорились встретиться на следующий день у наших общих французских друзей-художников в 5 часов вечера. Я пришел вовремя и стал его ждать. Чтобы не терять времени, я на натянутом уже холсте с моих карандашных набросков начал писать его лицо маслом. Время шло, а его всё не было. Мои друзья не могли весь вечер до него дозвониться. Я, на всякий случай, пришел на следующий день уже в 4 часа, понимая на тот момент, что, когда он придёт позировать в студию, скорее всего, нужен будет уже другой ракурс и другая одежда.

Мои французские друзья, побывав до этого в Москве, купили в Третьяковской галерее репродукцию Ивана Аргунова «Дама в кокошнике», которую повесили на стену. Картинка оказалась напротив моего мольберта. Поджидая Бельмондо, я размышлял о том, как поэффектнее написать портрет актера, и решил ввести элементы женской одежды с той самой картины, привезённой из российской столицы. Думал так: когда Жан-Поля увижу, я этот экспромт замажу. Конечно, это была шутка художника.

На третий день выяснилось, что актёр срочно уехал в Лондон на съёмку и вернется в Париж только через месяц. Я улетел в Москву и совсем забыл про смешной портрет Бельмондо. Мои друзья, работая с Бельмондо в театре над сценографией его спектакля, взяли и показали ему эту мою работу без моего ведома. Он очень разозлился и сказал: «Я его принял как человека, а он меня так обидел! Я традиционной ориентации! Если ещё раз его встречу, побью!»

Эта история произошла в начале 1990-х. Спустя пару лет, в Москву впервые приехал Пьер Ришар. Меня с ним

познакомили, и он любезно согласился мне попозировать. Во время сеанса я рассказал ему о скандале с Бельмондо. Ришар очень удивился бурной реакции друга: «Если бы меня так нарисовали, я бы по достоинству оценил эту шутку». Уже во Франции Ришар как-то встретился с Бельмондо и рассказал ему о моих страданиях по поводу той странной работы. На что Бельмондо ответил: «Пусть не переживает, я, конечно же, тоже пошутил. С удовольствием встречусь с Никасом, когда он будет в Париже, и готов выделить время для позирования». Что и произошло. Получился классический живописный портрет Бельмондо. Позже наши добрые отношения сохранились до конца его жизни.

Никас, вы написали несколько автобиографических книг, выпустили сборники своих рассказов. Но многие ваши поклонники самой интересной считают совместную работу с Валентином Гафтом, когда он писал стихи на ваши картины, а вы рисовали картины на его эпиграммы. Несколько слов об этом необычном проекте?

Книга возникла как бы сама собой. С Валентином Иосифовичем мы дружили много лет, часто ужинали вместе в ресторане, у меня или у него дома, показывали другу другу работы: он — поэтические, я — живописные. С какого-то момента мы стали обнаруживать созвучие мотивов, сюжетов, тональности наших работ. Например, стихи «Пастернаку» и портрет Бориса Пастернака возникли в разное время, но оказались конгениальны в полном смысле этого слова (кон — «совпадение», гений – «дух»).

Потом были некоторые картины, которые я написал по мотивам стихов Гафта, а он начал писать стихи, которые были навеяны моими полотнами.

Первая совместная книга, где были только стихи на мои картины, вышла в 1995 году. Позже, в 2014-ом, вышла вторая книга, где было уже много работ, сделанных мною на его стихи, и некоторые эпиграммы. В 2018-ом вышла третья книга¸ где я по его просьбе нарисовал более 30 картин на любимые эпиграммы моего доброго друга Валентина Гафта.

В итоге получились книги, которые трудно даже отнести к определённому жанру.

Существует так называемая «загадка зебры». Суть её в том, что никто не может доказать, что такое зебра: чёрная лошадь в белую полоску или же белая лошадь в чёрную полоску. Так и тут нельзя однозначно утверждать, это художественный альбом со стихами или же поэтический сборник с художественными иллюстрациями Никаса Сафронова? Но и я, и Гафт, и все наши почитатели поистине оценили наши творческие опусы. И поклонники Валентина Иосифовича, благодаря этим книгам, открыли для себя Гафта не только как большого талантливого литератора, но и

как великого поэта.